

Демократия и подрыв её основ

Во всем западном мире демократии сохраняют свои институциональные формы, в то время как суть, которая когда-то придавала им смысл, незаметно утрачивается. Мы наблюдаем не череду отдельных политических провалов, а структурную трансформацию.

Энтони Деден

втр 14 апр 2026

«Одна дама спросила доктора Франклина: „Ну, доктор, что у нас в итоге — республика или монархия?“

«Республика, — ответил Доктор, — если вы сможете её сохранить».^[1]

Во всем западном мире признаки напряжённости в рамках демократического[2] устройства стало трудно игнорировать. Институты, которые когда-то служили посредниками в конфликтах и сдерживали власть, по-прежнему существуют, но всё чаще превращаются в пустые оболочки. Выборы продолжаются, конституции остаются в силе, а язык демократии постоянно звучит, однако практики, которые когда-то придавали этим формам содержание и авторитет, кажутся всё более слабыми.

Права собственности подвергаются растущему давлению со стороны инфляционной финансовой политики, регуляторной экспроприации, государственного вмешательства и фискальной конфискации. Свобода слова, которую когда-то считали незыблемой, не просто пресекается на периферии, но и все чаще подвергается наказанию — будь то в виде административных санкций, ограничений со стороны платформ, лишения права на профессию или правового запугивания. Политическая власть не только отделилась от подотчетных институтов; она имеет тенденцию к концентрации и в основном осуществляется невыборными бюрократическими, судебными, технократическими и идеологическими элитами, чья власть растёт по мере ослабления демократического контроля.

Ни одно из этих явлений не проявляется повсеместно одновременно или в одинаковой степени. Тем не менее, в разных обществах направление развития выглядит схожим. Вполне обоснованно можно списать эти эпизоды на счет простых проявлений чрезмерного прогрессизма, экстренных мер реагирования на кризисы или временных отклонений от либеральных норм. Однако такие интерпретации радикально недооценивают всю серьёзность сложившейся ситуации. На мой взгляд, то, что, по-видимому, происходит, — это не просто череда политических ошибок, а нечто, более близкое к структурной трансформации. Демократические формы сохраняются, и на народный суверенитет ссылаются даже тогда, когда реальный суверенитет подвергается эрозии. Более того, риторика прав сохраняется даже тогда, когда сами права становятся условными, отзывными и подчиняются административному усмотрению. Западные общества ведут себя так, как будто они остаются демократическими, даже когда их институциональная и моральная архитектура постепенно демонтируется на глазах у всех.

То, что складывается в настоящее время, — это не простой авторитаризм или неототалитаризм. Это постепенная переориентация демократической политики от соблюдения ограничений к расходованию капитала, институционального авторитета и общественного доверия. Демократическая легитимность всё чаще используется не для сохранения ограничений, а для их преодоления. Более того, такие меры, которые когда-то считались исключительными — например,

обесценивание валюты, управление в чрезвычайных условиях, ретроактивное регулирование и ограничение свободы слова — всё чаще становятся постоянными чертами современной политической жизни.

В этой статье высказывается предположение, что эти события не столь случайны, как может показаться. Они отражают давние противоречия, присущие самой демократии, особенно когда демократические системы управляют капиталоемкими обществами с высоким уровнем доверия, построенными на основе совершенно разных моральных и институциональных предпосылок. Опираясь на работы Хайека, Сомари, Рёпке, Хоппе и Хюльсманна, я анализирую, как демократическая политика, освободившись от конституционных, монетарных и культурных ограничений, может постепенно подрывать условия, поддерживающие капитал и свободу.

Поэтому кризис, с которым сталкиваются современные демократии, не следует рассматривать исключительно как моральный провал или идеологическую подчиненность. Это кризис стимулов, временных горизонтов и ответственности за общественное достояние. Вопрос уже не в том, способна ли демократия обеспечить справедливость, равенство или участие в абстрактном смысле, а в том, способна ли она сохранить тот экономический, институциональный и моральный капитал, от которого зависит её собственная легитимность.

Капитализм и провал исторической оценки

Когда Хайек^[3] писал предисловие к книге «Капитализм и историки»,^[4] он реагировал на фундаментальную интеллектуальную ошибку: отказ судить о капитализме по тому, что он фактически создал, а не по моральным идеалам, которые он никогда не претендовал воплощать. Хайек утверждал, что капитализм осуждали не за то, что он фактически создал, а за то, что он не соответствовал этическим идеалам, которые он никогда не обещал воплощать.

Величайшие достижения капитализма — повышение уровня жизни, накопление капитала и всеобщее процветание — не были результатом целенаправленного замысла. Они возникали постепенно, в результате бесчисленных индивидуальных решений, и развивались на протяжении нескольких поколений. Поскольку у этих результатов не было видимого автора, они вступали в противоречие с глубоко укоренившимся человеческим стремлением к преднамеренной справедливости: желанием видеть, чтобы вознаграждения четко распределялись, а ответственность явно возлагалась на конкретных людей.

Как заметил Хайек, историки, таким образом, склонны были рассматривать результаты рынка как будто они были результатом сознательного намерения, в то время как политические вмешательства по умолчанию считались морально нейтральными или благотворными. В социальных последствиях винили обезличенные процессы, в то время как произвольные политические действия оправдывались и даже прославлялись.

Это искажение по-прежнему определяет современное политическое мышление. Капитализм регулярно обвиняют в неравенстве, отсутствии безопасности и социальной фрагментации, зачастую без какого-либо серьезного сравнения с предыдущими обществами или историческим опытом альтернативных систем. К рынкам относятся так, как будто они являются сознательными субъектами, руководствующимися моральными мотивами, в то время как демократическая политика представляется в качестве корректирующей силы.

Однако на практике политическое вмешательство всё чаще подрывает ту самую координацию и производительность, от которых зависит процветание.

Однако критика Хайека, хотя и была необходима, оказалась неполной. Он указал на ошибочный подход к оценке капитализма, но позже другие авторы продемонстрировали, что проблема лежит гораздо глубже: сама демократия систематически подрывает условия, от которых зависит капитализм.

Феликс Сомари и политическая экономия забвения

Этот аргумент с необычайной ясностью сформулировал Феликс Сомари^[5], банкир и наблюдатель за процессом развала денежной системы. В книге «Демократия в опасности»^[6] Сомари рассматривает демократию не как идеал, а как хрупкую систему, которая выживает лишь до тех пор, пока соблюдает те пределы, которые ей всегда хочется игнорировать.

Сомари отверг представление о том, что демократия сама исправляет свои собственные излишества. Он утверждал, что современная демократия основана на двух ложных и опасных убеждениях: во-первых, что «народ» может действовать как единая, целостная власть, и, во-вторых, что люди становятся мудрее просто благодаря обретению политической власти. Со временем эти убеждения подрывают конституционные ограничения и финансовую дисциплину. В результате демократическая легитимность становится заменой здравому смыслу.

В отличие от идеологических критиков капитализма, Сомари писал как банкир, переживший валютный коллапс, гиперинфляцию и крах режима. Его беспокоила не теоретическая несправедливость, а растрата капитала — постепенное превращение сбережений в потребление через инфляцию, долги и фискальные иллюзии. Демократия, как он заметил, вознаграждает политиков, обещающих немедленные выгоды, при этом игнорируя и откладывая расходы. Инфляция заменяет налогообложение, заимствования заменяют сбережения, а манипуляции с денежной массой заменяют честную экономию.

Если Хайек предостерегал от того, чтобы оценивать капитализм в сравнении с утопией, то Сомари предупреждал, что демократия порождает утопические ожидания, которые она не в состоянии оправдать.

Собственность, деньги и политическая независимость

В основе аргументации Сомари лежала политическая роль собственности. Он настаивал на том, что права собственности — это не просто юридическая конструкция. Они способствуют обеспечению свободы. Граждане, способные копить, инвестировать и накапливать капитал, обладают независимостью от политической власти. Когда право собственности подвергается эрозии — посредством конфискационного налогообложения, инфляции или регуляторной экспроприации — граждане становятся зависимыми, податливыми и политически покорными.

Это наблюдение предвосхищает более поздние анализы представителей австрийской школы, но при этом остается поразительно актуальным. Со времен Сомари демократические государства расширили налогообложение, узаконили финансирование за счет заимствований и перешли к денежно-кредитным режимам, которые систематически ущемляют интересы вкладчиков. Инфляция активов приносит выгоду политическим группам, связанным с финансовыми рынками, в то время как реальная заработная плата стагнирует. Накопление капитала между поколениями подрывается, даже несмотря на то что правительства расширяют систему социального обеспечения.

Сомари понимал, что эти последствия — не ошибки политики, а неотъемлемые черты демократии. Избиратели требуют выгод здесь и сейчас, в то время как расходы откладываются на будущее, а капитал расходуется под видом процветания.

Рёпке и моральные предпосылки капитализма

Вильгельм Рёпке^[7] распространил этот анализ на культурную сферу. В книге «Гуманная экономика»^[8] он утверждал, что рынки зависят от моральных и социальных основ, которые они не способны создать самостоятельно: стабильности семьи, этических норм, местных сообществ и сдержанности. Капитализм, как он настаивал, является моральным достижением и поэтому уязвим.

Он утверждал, что по мере размывания этих основ люди обращаются к политике в поисках смысла и безопасности. Демократия превращается в механизм агрегирования требований, а не в инструмент разумного управления. Перераспределение заменяет ответственность, а регулирование — доверие. В социальном упадке винят капитализм, тогда как политические меры только ускоряют его.

Мысли Рёпке дополняют идеи Хайека: капитализм терпит политическую неудачу, когда общества забывают о моральных принципах, которые сделали его возможным. Его видение, которое оказало глубокое влияние на формирование послевоенной «социальной рыночной экономики» Западной Германии, заключалось в том, что моральные и культурные основы, которые он отстаивал, были не просто благородными стремлениями, но могли быть институционализированы посредством прочной экономической конституции — антимонопольного регулирования, независимого валютного органа и основанной на правилах бюджетной дисциплины — которая защищала конкуренцию и вкладчиков как от частных картелей, так и от политики, ориентированной на краткосрочные результаты.

Хоппе, Сомари и логика потребления капитала

Если Сомари описывал симптомы, то другой мыслитель стремился объяснить лежащую в их основе структуру. Наиболее ярко противоречие между демократией и сохранением капитала выражено в книге Ханса-Германна Хоппе^[9] «Демократия: бог, который потерпел неудачу»^[10]. Хоппе не противоречил диагнозу Феликса Сомари о хрупкости демократии; он радикализировал его, предложив общую теорию политических стимулов, собственности и временных горизонтов. Если Сомари описывал краткосрочность демократии эмпирически, то Хоппе объяснял её структурно.

Сомари подошёл к этой проблеме как банкир и эксперт по кризисам. Хоппе подошёл к ней как политический философ, интересующийся институциональными последствиями различных режимов собственности. Их выводы с поразительной

точностью совпадают. Демократия, лишившись твёрдых конституционных, фискальных и монетарных ограничений, структурно ориентируется на потребление капитала, а не на его сохранение или подлинный прогресс.

Сомари заметил, что демократические правительства неизменно отдают предпочтение мерам, приносящим немедленные и заметные выгоды, при этом замалчивая или откладывая связанные с ними издержки. В своей книге «Демократия в опасности» он утверждал, что эта тенденция обусловлена не столько недостатками руководства, сколько политической арифметикой. Большинство голосует; издержки можно отложить. Налогообложение встречает сопротивление; заимствование средств политически безболезненно. Более того, инфляция либо плохо понимается, либо не понимается вовсе. В таких условиях сдержанность перестает вознаграждаться. Вместо этого сохраняется стойкая склонность к политике, обещающей облегчение в настоящем за счет будущего.

Хоппе предложил недостающий теоретический механизм. Демократическое управление превращает государство из хранителя капитала во временного управляющего, не имеющего доли собственности. Политическая власть становится контролем над ресурсами, за сохранение которых никто не несет личной ответственности. Поскольку избранные должностные лица не владеют капиталом, которым они управляют, и не рассчитывают на длительный срок пребывания в должности, они рационально стремятся к максимальному извлечению выгоды в настоящем. Эта логика носит не моральный, а экономический характер. Когда власть связана с правом собственности, она стремится к сохранению; когда же она временна, рациональным становится потребление.

Это различие проясняет исторический анализ Сомари. Демократическая политика не просто допускает расходование капитала — она фактически поощряет его. Сбалансированный бюджет, стабильная валюта и институциональная сдержанность налагают немедленные и значительные издержки как на избирателей, так и на политиков. Инфляция, долг и расширение административного аппарата дают выгоды здесь и сейчас, распределяя издержки во времени, между поколениями и по абстрактным балансовым отчетам. В такой системе сдержанность перестает быть добродетелью и становится политическим бременем.

Время является решающим фактором. Капитал по своей природе ориентирован на будущее. Он олицетворяет отложенное потребление, накопленные сбережения, правовую определенность и уверенность в стабильности правил. Политическая демократия, напротив, ориентирована на настоящее. Избирательные циклы коротки, внимание общественности непостоянно, а легитимность измеряется скорее общественным мнением, чем долговечностью. Когда демократические

системы управляют обществами с высокой капиталоемкостью, возникает фундаментальное противоречие: институты, создающие богатство, требуют терпения, в то время как институты, распределяющие власть, наказывают за него.

Сомари наиболее ясно осознавал эту противоречивость в контексте денежно-кредитной политики. Пережив разрушительные последствия инфляции в начале XX века, он понимал, что обесценивание денег — это не просто экономический сбой, но и политическое искушение. Инфляция позволяет правительствам взимать налоги без официального признания, осуществлять перераспределение без законодательного закрепления и финансировать обещания без соблюдения дисциплины. Она разрушает связь между трудом и вознаграждением, между сбережениями и безопасностью. Таким образом, безответственность в денежно-кредитной сфере становится не отклонением от демократии, а условием её функционирования.

Хоппе обобщил эту мысль. Инфляция, государственный долг и регуляторная экспроприация — это не отклонения от курса политики; это инструменты демократического управления в условиях всеобщего избирательного права и фискального давления. Каждый из них преобразует будущие права в нынешние ресурсы. Каждый подрывает временную структуру производства. Каждый ускоряет потребление капитала, маскируя его под рост. Поэтому видимость процветания может сохраняться еще долго после того, как условия, которые ее сделали возможной, начали разрушаться. Механизм этот тонкий, и его последствия проявляются медленно. Именно поэтому его редко распознают вовремя.

Это помогает объяснить, почему демократические государства могут казаться стабильными даже тогда, когда их основополагающий капитал — материальный, институциональный и моральный — подвергается эрозии. Инфраструктура приходит в упадок, в то время как расходы растут. Бюрократический аппарат разрастается, а профессионализм снижается. Социальные выплаты множатся, в то время как демографическая основа ослабевает. Система выживает за счет расходования резервов, накопленных при прежних, более сдержанных режимах.

В этом контексте права собственности приобретают более острое политическое значение. Сомари настаивал на том, что собственность — это не просто экономический инструмент, а основа политической независимости.^[11] Хоппе добавляет к этому временное измерение: владение собственностью открывает возможности для долгосрочного планирования. Оно позволяет людям противостоять политической нестабильности и ориентировать свои решения на будущее. По мере того как собственность подвергается эрозии в результате налогообложения, инфляции или вмешательства со стороны регулирующих

органов, временная автономия сокращается. Независимость сменяется зависимостью, а политическая ориентация на краткосрочную перспективу усиливается.

В условиях таких стимулов демократия может начать усугублять собственное упадничество. По мере ослабления формирования частного капитала граждане обращаются к государству за защитой. По мере расширения государственного обеспечения усиливается давление на бюджет и денежно-кредитную политику. По мере истощения капитала обостряются политические конфликты. Избиратели, ощущая нестабильность, голосуют за защиту, а не за сдержанность. В результате возникает не тирания, а нечто, более похожее на истощение.

Самое провокационное утверждение Хоппе о том, что демократии не хватает института попечительства, лаконично отражает этот результат. Если Хоппе ставит диагноз, то Хюльсманн проводит аналитическое исследование.

Современная разработка этой логики представлена в трудах Йорга Гвидо Хюльсмана, который описывает экономический механизм, посредством которого демократические системы исчерпывают свой потенциал самокоррекции. [12] Хюльсманн применяет теорию капитала к политической сфере и отмечает, что демократические государства постепенно создают то, что он называет «косвенным политическим производством»: финансируемые налогоплательщиками партии, разрастающуюся бюрократию, централизованно управляемую систему образования, режимы лицензирования и субсидирования СМИ, регулятивное исключение конкурентов, а также избирательное законодательство, определяющее, кто вообще может участвовать в выборах. Эти институты функционируют как капитальные активы — не в переносном смысле, а в строгом экономическом смысле, поскольку они накапливаются, требуют обслуживания и делают выход из системы дорогостоящим. К тому моменту, когда реформа станет возможной, структура, которая бы ее позволила, может уже исчезнуть.

Их существование порождает издержки перехода, которые в первую очередь ложатся на плечи избирателей: ликвидация бюрократического аппарата означает подрыв средств к существованию; свертывание государственной системы образования — потрясение для семей; упразднение центрального банка — дестабилизацию балансов. Таким образом, даже те избиратели, кто интеллектуально стремится к реформам, часто рационально выбирают преемственность. С этой точки зрения, паралич демократии носит не столько психологический или моральный характер, сколько структурный. Хюльсманн приходит к выводу, что демократия сохраняет мир лишь до тех пор, пока живет за

счет ранее накопленного, и что по мере созревания структуры политического капитала мирные перемены становятся все менее вероятными. В такой системе кризисы рискуют быть разрешенными не путем голосования, а путем потрясений.

В отличие от систем, в которых правители рассматривают территорию и институты как активы, которые необходимо сохранять, демократические чиновники склонны рассматривать их как источники дохода, которые следует эксплуатировать. Независимо от того, согласны ли вы с предложенными Хоппе альтернативами, этот анализ помогает объяснить современную ситуацию. Современные демократические государства допускают хронический дефицит бюджета во имя стимулирования экономики, увеличивают денежную массу во имя необходимости, раздувают бюрократию во имя сложности и дестабилизируют право во имя прогресса. За каждым из этих оправданий скрывается перенос ресурсов из будущего в настоящее.

Сомари предвидел такой исход, не формулируя его официально. Он предупреждал, что демократия, освободившись от конституционной и финансовой дисциплины, придет в упадок. Политические формы сохранятся, но суть их разложится. Выборы будут по-прежнему проводиться, но качество управления ухудшится. Свобода будет подтачиваться не явной тиранией, а постепенным упадком.

То, что в конечном итоге подрывает веру в демократию, — это не моральное разочарование, а структурная реальность. Демократия терпит крах не потому, что не соответствует своим идеалам, а потому, что следует своим стимулам. Как только демократическая легитимность начинает восприниматься как самооправдание, конституционные ограничения, бюджетная дисциплина и денежно-кредитная сдержанность перестают рассматриваться как гарантии, а становятся препятствиями.

Итак, иллюзия заключается не в том, что демократия иногда нерационально распределяет ресурсы, а в том, что она может расширяться, не ослабляя при этом собственных основ. Инфляция, рост долга, раздувание бюрократического аппарата и институциональный упадок — это не временные политические ошибки; это предсказуемые последствия системы, которая обменивает будущие обязательства на одобрение в настоящем.

Нынешний кризис — это не то, что демократия не оправдывает возложенных на неё надежд, а то, что она реагирует на заложенные в ней стимулы. Если это верно, то одних призывов к лучшим намерениям будет недостаточно.

В экономической теории, и в частности в рамках австрийской традиции, термин «потребление капитала» имеет четкое значение, которое придает особую остроту метафоре, используемой на протяжении всей данной статьи.^[13] Капитал — это не

просто богатство или деньги, а накопленный запас производственных ресурсов — машин, инфраструктуры, навыков, институтов и сбережений, — которые делают возможным будущее производство. Когда общество потребляет капитал, оно поддерживает или даже увеличивает текущее потребление, расходуя этот запас, а не пополняя его. Поскольку средства производства разнородны и встроены во время, их истощение не всегда сразу заметно. Объем производства может казаться стабильным в течение многих лет, в то время как базовая структура производства незаметно ухудшается.

Людвиг фон Мизес подчеркивал, что инфляция, финансирование дефицита и искусственное расширение кредитования могут создавать иллюзию процветания, на самом же деле маскируя растрату капитала. То, что выглядит как рост, — не что иное, как расходование накопленных резервов. В этом техническом смысле потребление капитала носит не метафорический, а структурный характер: оно описывает переход от производства, поддерживаемого сбережениями и долгосрочным планированием, к производству, поддерживаемому кредитом, политическим перераспределением и ликвидацией унаследованного богатства. Более широкий цивилизационный аргумент, выдвигаемый здесь, опирается на эту экономическую основу. Если это верно на уровне экономической теории, то из этого следует, что политические системы, которые затрудняют экономический расчет, ускоряют этот процесс до крайности.

Наиболее радикальной формой расходования капитала является не просто демократическая ориентация на краткосрочные результаты, а социализм в его истинном понимании. Людвиг фон Мизес утверждал, что социализм не просто перераспределяет богатство; он уничтожает систему экономического расчета, которая делает возможным рациональное сохранение капитала. Без частной собственности на средства производства исчезают рыночные цены на средства производства, а вместе с ними — способность отличать производство от потребления, прибыль от убытка, сохранение от истощения. В этом смысле социализм не опирается на унаследованный капитал; он живет за его счет.

Что делает эту тенденцию особенно опасной для демократических обществ, так это то, что социализм не обязательно приходит в результате потрясений. Он продвигается незаметно. Здесь — регулирование, там — субсидия, новое право на пособие, обоснованное соображениями справедливости, или денежно-кредитная экспансия, объясняемая необходимостью. Каждая мера принимается на законных основаниях, зачастую при широкой поддержке. Однако, как предупреждал Мизес, такие вмешательства не являются единичными. Каждое из них нарушает ценовую

систему и влечет за собой последствия, требующие дальнейших корректировок. То, что начинается как ограниченная корректировка, превращается в накопительные изменения.

В демократических системах редко возникает давление, направленное на отмену существующего порядка. Преимущества вмешательства заметны и ощущаются сразу, тогда как издержки проявляются с задержкой и распределяются между многими. Немногие группы избирателей объединяются вокруг идеи восстановления ограничений, в то время как многие объединяются вокруг идеи сохранения преимуществ. Результатом становится не резкий разрыв с существующим порядком, а постепенное истощение лежащей в его основе структуры капитала. Внешнее процветание может сохраняться некоторое время. Институты остаются на месте. Выборы продолжаются. Но лежащая в основе способность сохранять и пополнять капитал шаг за шагом ослабевает.

Таким образом, социализм в своей демократической форме представляется не столько революцией, сколько постепенным развитием — плавным переходом от будущего производства к нынешнему распределению, одобренным большинством и обоснованным как реформа.

Однако было бы ошибкой полагать, что подобный эффект вызывает исключительно явный социализм. Такая же система стимулов действует везде, где демократическая политика отдаёт предпочтение распределению ресурсов в настоящем перед их сохранением на будущее. Даже без отмены частной собственности политика хронического дефицитного финансирования, обесценивания валюты и накопления регуляторных ограничений постепенно подрывает структуру капитала. Социализм представляет собой логическую крайность этого процесса. Однако в основе лежит сама природа политических стимулов.

Демократия как система потребления капитала

В такой системе политика переходит от координации к распределению. Главный вопрос больше не заключается в том, как создается богатство, а в том, как делится уже существующее богатство. Это знаменует собой явный разрыв с условиями, при которых когда-то функционировал демократический капитализм. Накопление капитала зависит от терпения, стабильных ожиданий и соблюдения ограничений. Демократическая конкуренция, освободившись от сдерживающих факторов, вместо этого поощряет мгновенность, морализаторство и символические действия.

В результате формируется политический строй, в котором унаследованный капитал — экономический, институциональный и культурный — рассматривается не как доверие, которое необходимо сохранить, а как ресурс, который следует израсходовать. Государственный долг превращает будущее производство в нынешние расходы. Инфляция размывает сбережения, маскируя при этом экспроприацию. Регулирование заменяет координацию и дисциплину свободного рынка административным усмотрением. Каждый из этих механизмов ослабляет независимость граждан, усиливая при этом их зависимость от политической власти.

Эта динамика также объясняет один из главных парадоксов современной демократии: государство продолжает расти, хотя его способность управлять страдает. Бюрократические аппараты расширяются по размеру и сфере деятельности, но при этом теряют способность решать те проблемы, которые они сами создают и которые им поручено устранять. Количество законов растёт, но предсказуемость ситуации снижается. Выборы продолжаются, но подотчётность ослабевает. Демократия формально остаётся нетронутой, в то время как её суть подвергается эрозии.

Постепенная эрозия капитала также меняет характер политического поведения. По мере замедления роста и утраты доверия политика превращается в игру с нулевой суммой. Распределение вытесняет производство; недовольство заменяет сотрудничество. Группы объединяются вокруг противоборствующих требований, а не вокруг общих проектов. По мере ослабления материальных основ усиливается риторика морального характера. Политический конфликт приобретает экзистенциальный характер, поскольку будущее больше не сулит облегчения.

Когда темпы накопления капитала замедляются, выгода от компромиссов уменьшается. Каждая фракция спешит обеспечить себе долю, пока ресурсы не иссякли, в то время как демократические дебаты уступают место показухе и зрелищам, а управление становится скорее театральным, чем эффективным.

Административное государство способствует сохранению такого положения. По мере того как избранные должностные лица теряют способность — или желание — обеспечивать дисциплину, ответственность переходит к бюрократическим органам, защищённым от прямой подотчётности. Демократическая легитимность остается видимой, но многие реальные решения принимаются в рамках непрозрачных процедур, на основании технических поручений и с использованием чрезвычайных полномочий. Граждане могут начать воспринимать государственное управление как принудительное, но в то же время безличное — вездесущее, но трудно поддающееся оспариванию или влиянию.^[14]

Такие условия, хотя и являются нестабильными, могут сохраняться. Они позволяют демократическим странам отсрочить расплату за счет расходования капитала, накопленного при предыдущих, более сдержанных режимах. Построенная десятилетия назад инфраструктура продолжает функционировать. Доверие к денежной системе сохраняется дольше, чем ожидалось. Социальное доверие разрушается медленно. Эти задержки создают иллюзию устойчивости, поощряя дальнейшее потребление.

Однако это истощение носит кумулятивный характер. Каждое поколение наследует всё меньший запас прочности. Каждый кризис оправдывает всё более масштабное вмешательство, а каждое вмешательство ослабляет условия для восстановления. То, что выглядит как устойчивость, зачастую является инерцией: отложенным эффектом дисциплины прошлого. Демократия в таком виде уже не определяет будущее. Она его игнорирует. А то, что игнорируется, в конечном итоге исчерпывается.

Устойчивость и контраргументы

Следует принять во внимание обоснованное возражение. Вполне справедливо заметить, что, несмотря на описанные выше трудности, западные общества по-прежнему демонстрируют исключительную производительность. Реальный уровень жизни в долгосрочной перспективе вырос. Технологические инновации продолжаются такими темпами, которые поразили бы предыдущие поколения. Достижения в медицине, связи и производстве энергии свидетельствуют о непрекращающейся жизнеспособности частного предпринимательства. Также разумно сказать, что рынки неоднократно адаптировались к политическому вмешательству, регуляторным ограничениям и расширению бюджетных расходов. Эти факты являются свидетельством устойчивости, и их нельзя игнорировать.

Важно проводить различие между социализмом в строгом мизесовском смысле, то есть отменой частной собственности на средства производства, и интервенционистскими или социал-демократическими механизмами, распространенными в современных западных обществах. Последние сохраняют частную собственность и рыночное ценообразование, зачастую с немалым успехом. Сам Мизес рассматривал интервенционизм как самостоятельную систему: ни капитализм, ни полный социализм, а режим, в котором рыночная координация сохраняется при усиливающемся политическом регулировании. Здесь речь идет не о том, что современные демократии отменили экономический расчет, а о том, что совокупное вмешательство может постепенно сужать сферу, в которой расчет действует свободно, тем самым со временем усиливая системную уязвимость.

Капиталоемкие общества, основанные на высоком уровне доверия, обладают огромной способностью к адаптации. Глобальная мобильность капитала, дефляционное давление со стороны технологий и творческий потенциал частных субъектов могут на протяжении длительных периодов опережать политическое извлечение выгод. Накопленный в прошлом институциональный и экономический капитал служит реальным буфером и во многом объясняет тот непрекращающийся динамизм, который мы наблюдаем.

Однако устойчивость — это не то же самое, что иммунитет. Общество может продолжать внедрять инновации даже тогда, когда его финансовые, денежно-кредитные и административные основы становятся всё более хрупкими. Номинальный рост может сосуществовать с ростом долга, так же как технический прогресс может развиваться на фоне снижения доверия к институтам. Рыночное ценообразование может продолжать функционировать в условиях расширяющихся регуляторных рамок до тех пор, пока свобода распределения капитала в соответствии с ценовыми сигналами не будет существенно ограничена. Признаки такого ограничения уже заметны. В конечном итоге адаптация может нивелировать стимулы, но не устраняет их.

Поэтому вопрос заключается не в том, сохранится ли процветание. Оно сохранится. Вопрос в том, расширяется ли или сужается запас прочности. Каждый новый слой хронического дефицитного финансирования, смягчения денежно-кредитной политики и накопления административных издержек снижает гибкость системы на границах. То, что предыдущие поколения могли поглощать без последствий, со временем накапливается. Система может удержаться, но она может становиться всё более зависимой от благоприятных условий, таких как низкие процентные ставки, демографическая стабильность и глобальные потоки капитала. Ни одно из этих условий нельзя считать бесконечным.

Признавать устойчивость — не значит отрицать наличие риска. Это значит осознавать, что эрозия может происходить постепенно, а процветание может скрывать ослабление фундамента. Мост может продолжать выдерживать транспортную нагрузку даже тогда, когда его несущая способность сокращается. Цель проверки заключается не в том, чтобы предсказать обрушение завтра, а в том, чтобы понять, в каком направлении действуют нагрузки.

Если тенденция заключается в сокращении временных горизонтов, росте структурных обязательств и ослаблении институциональных сдерживающих факторов, то одной лишь адаптации может оказаться недостаточно. Устойчивость может отсрочить расплату, но не способна бесконечно откладывать неизбежное.

Вспомним о сдержанности

Мыслители, рассматриваемые в данной статье — Хайек, Сомари, Рёпке, Хоппе и Хюльсманн — не разделяли ни одной общей идеологии или политической программы. Их объединяет общий реалистичный взгляд на человеческие мотивы, институциональную уязвимость и природу свободы. Каждый из них по-своему отверг утешительную веру в то, что рынки или демократическая политика способны к самостабилизации.

Хайек предупреждал, что общества, забывающие об истинном источнике процветания, будут требовать результатов, которые ни одна система не способна обеспечить надежным образом. Сомари показал, что демократическая политика, освободившись от конституционной и монетарной дисциплины, приобретает устойчивую склонность к расходованию капитала. Рёпке подчеркнул, что рынки нуждаются в моральных и культурных основах, которые они не могут воспроизвести посредством одного лишь экономического обмена. Хоппе формализовал эти идеи, продемонстрировав, что демократическое управление систематически сокращает временные горизонты и вознаграждает извлечение выгоды в настоящем, а не сохранение на будущее. Хюльсманн расширил этот анализ, объяснив, как демократические системы создают сложные политические структуры, которые закрепляют краткосрочные стимулы и делают значимое изменение курса все более трудным.

В совокупности их аргументы указывают на один и тот же вывод: современные демократии всё в большей степени живут за счёт накопленного наследия — будь то экономического, институционального или морального — которое они уже не понимают и не защищают.

Наследство, полученное без понимания, редко сохраняется даже на одно поколение.

Это помогает объяснить парадокс современной политической жизни. Демократические формы сохраняются, но доверие к ним подрывается. Деятельность государства расширяется, но его способность управлять снижается. Богатство остается, но все чаще в виде остаточного наследия, а не источника обновления.^[15] Политический конфликт обостряется не потому, что ожидания не оправдываются, а потому, что само будущее кажется утратившим ценность.^[16] Когда накопление капитала замедляется, а доверие к институтам ослабевает, политика переходит от координации к распределению, от ответственного управления к предъявлению претензий.

Результатом становится не мгновенный крах, а постепенное истощение. Демократии редко разрушают себя одним решительным актом. Вспомните Афины. Напротив, они приходят в упадок из-за перенапряжения, из-за нормализации чрезвычайного положения, из-за неуклонного превращения долгосрочного капитала в краткосрочную легитимность. Свобода подвергается эрозии не потому, что её насильственно свергают, а потому, что её ошибочно принимают за постоянное состояние, а не за хрупкое достижение.

Таким образом, главная проблема заключается не в демократии как идеале, а в демократии без ограничений: в демократии, утратившей своих стражей. Ограничения невозможно создать исключительно за счет предвыборной конкуренции. Для этого необходимы унаследованные нормы, авторитетные институты и культурная готовность принимать ограничения, которые политика демократии всегда стремится устранить. Там, где эти ограничения ослабевают, демократическая легитимность становится инструментом разложения, а не гарантией.

Признать это — не значит отвергать демократию или рынок, а означает отказаться от иллюзии, что то или другое может существовать без дисциплины. Процветание — это не моральное право, а достижение, созданное усилиями нескольких поколений. Капитал — это не доход, а отложенное потребление. Институты — это не нейтральные с точки зрения ценностей ограничения, а хрупкое наследие.

Когда общества забывают об этих различиях, история редко соответствует ожиданиям. У неё есть свой способ вновь навязывать ограничения — сначала постепенно, а затем в одночасье.

Послесловие: Старая схема, а не новая трагедия

Современные общества сталкиваются с хорошо знакомой политической моделью, которая с поразительной ясностью наблюдалась более двух тысячелетий назад. Описание Платоном упадка демократии в древних Афинах, написанное на фоне войны, инфляции, межфракционных распрей и судебной казни Сократа — как ни иронично, именно за его речь — характеризовало режим, который сохранял форму свободы, одновременно лишая её сущности. [17] Демократия, утверждал он, обычно гибнет не от внешнего завоевания, а от внутренних излишеств: от эрозии сдержанности, морализации страстей, политизации зависти и замены закона административным управлением. Он утверждал, что демократия дегенерирует, когда свобода превращается в вседозволенность, отвергается авторитет, равенство выходит за пределы разумного, страсти политизируются и появляется демагог, обещающий защиту.

Значение этого признания заключается не в отчаянии, а в обретении перспективы. Если распад демократии представляется не столько современной случайностью, сколько частью повторяющейся исторической модели, то задача состоит не в том, чтобы ждать спасения исключительно от политики. Платон не ожидал, что режимы будут совершенствоваться. Он ожидал, что благоразумные люди будут адаптироваться: сохранять независимость там, где это возможно, защищать собственность как условие свободы и сохранять долгосрочные перспективы при краткосрочном правлении. В этом смысле крах — это не конец, а сужение иллюзий, гарантий и коллективных обещаний. Остаются здравый смысл, сдержанность и тихая работа выносливости в рамках несовершенных порядков.

История не дает никаких гарантий того, что демократические общества вовремя осознают свои ограничения. Но она дает нечто более прочное: понимание того, что свобода никогда не зависела в первую очередь от политического спасения, а от способности отдельных людей и сообществ сохранять капитал — материальный, нравственный и институциональный — тогда, когда политические институты забывают, как это делать.

История ясно показывает, к чему приводит крах демократического самоуправления. В Афинах ослабление сдерживающих факторов привело не к возрождению, а к имперской экспансии, фракционности и, в конечном итоге, к порабощению — сначала спартанской олигархией «Тридцати тиранов», а затем македонянами. В Римской республике опустошение республиканских институтов не восстановило равновесие; оно закончилось личной властью, постоянным чрезвычайным положением и империей. В обоих случаях демократические формы сохранялись еще долго после того, как их сущность пришла в упадок — до тех пор, пока их не заменило правление, оправдываемое не согласием, а необходимостью.

Урок заключается не в том, что демократия неизбежно приводит к тирании, а в том, что когда сдерживающие факторы исчерпываются, свобода не восстанавливается — она уступает место чему-то другому. На смену ей приходит правление администраторов, генералов или кризисов; легитимность перемещается от закона к порядку, от согласия к выживанию. Настоящий вопрос для нашего западного мира заключается не в том, сохранится ли демократия в прежнем виде, а в том, что займет её место, когда её потенциал будет исчерпан.

[1] Бенджамин Франклин, высказывание в адрес Элизабет Уиллинг Пауэл, 17 сентября 1787 г., цитируется по: Макс Фарранд (ред.), Протоколы Федерального конвента 1787 года, перераб. изд., т. 3 (Yale University Press, 1937).

[2] На протяжении всего этого эссе я использую термин «демократия» в практическом, а не в историческом или идеализированном смысле. Я имею в виду политические системы, в которых власть осуществляется посредством периодических выборов и обосновывается во имя голосующего большинства. В этом отношении я следую известной формулировке Йозефа Шумпетера, согласно которой демократия — это «та институциональная система принятия политических решений, при которой отдельные лица приобретают право принимать решения посредством конкурентной борьбы за голоса народа» » (Капитализм, социализм и демократия, 3-е изд. Harper & Row, 1950.) Я не имею в виду режимы, которые просто используют демократическую риторику без проведения конкурентных выборов, и не рассматриваю моральные аргументы в пользу самого политического участия. Аргументация касается стимулов, возникающих в рамках избирательных систем, когда легитимность рассматривается как самооправдывающаяся, а не ограниченная устойчивыми конституционными и финансовыми рамками.

[3] Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) — австрийский экономист и политический философ. Хайек внес основополагающий вклад в теорию спонтанного порядка, исследование проблемы знания в экономике и критику централизованного планирования. Его работы оказали сильное влияние на классический либерализм и либертарианскую мысль, в частности благодаря книге «Путь к рабству» и его трудам о рыночной координации.

[4] Хайек, Фридрих А., под ред. Капитализм и историки. Routledge & Kegan Paul, 1954.

[5] Феликс Сомари (1881–1956) — австрийский экономист, банкир и политический аналитик, известный своими ранними критическими работами, посвящёнными инфляционному финансированию и деятельности центральных банков. Он был автором влиятельных исследований по вопросам европейской политики и экономики межвоенного периода и часто упоминается в связи со своими пророческими предупреждениями о нестабильности денежных систем после Первой мировой войны

[6] Сомари, Феликс. «Демократия в кризисе: диагноз и прогноз». Перевод Норберта Гутермана, Alfred A. Knopf, 1952. Первоначально опубликовано на немецком языке под названием *Krise und Zukunft der Demokratie*, Europa Verlag, 1952.

[7] Вильгельм Рёпке (1899–1966) был немецким экономистом и социальным теоретиком. Рёпке был ведущей фигурой ордолиберализма и одним из главных идеологических архитекторов послевоенной социальной рыночной экономики Германии. Он подчеркивал важность моральных, культурных и институциональных основ, необходимых для функционирования рыночного порядка.

[8] Рёпке, Вильгельм. Гуманная экономика: социальные рамки свободного рынка. Перевод Элизабет Хендерсон, Henry Regnery Company, 1960. (Оригинал опубликован в 1958 году под названием *Jenseits von Angebot und Nachfrage*, Eugen Rentsch Verlag).

[9] Ханс-Герман Хоппе (род. 1949) — немецко-американский экономист и философ, представитель Австрийской школы. Он известен своими работами по праксеологии, правам собственности, анархо-капитализму и критике демократии. Его основной вклад заключается в развитии методологии Людвиг фон Мизеса и радикальной либертарианской политической теории.

[10] Хоппе, Ханс-Герман. «Демократия: бог, который потерпел неудачу: экономика и политика монархии, демократии и естественного порядка». Transaction Publishers, 2001. Институт Мизеса, mises.org/library/democracy-god-failed-2 (аудиокнига). Проверено 23 декабря 2025 г.

[11] Задолго до Сомари сущность частной собственности и её значение блестяще сформулировал Людвиг фон Мизес. В книге «Либерализм» (1927) он пишет: «Частная собственность создаёт для индивидуума сферу, в которой он свободен от государства. Она устанавливает пределы действия авторитарной воли. Она позволяет другим силам возникать бок о бок с политической властью и в противовес ей. Таким образом, она становится основой всей той деятельности, которая свободна от насильственного вмешательства со стороны государства. Это та почва, на которой взращиваются семена свободы и в которой укореняются автономия личности и, в конечном счете, весь интеллектуальный и материальный прогресс».

Спустя несколько лет в книге «Всемогущее правительство» (1944) Мизес подкрепил эту мысль, отметив: «Если история и может чему-то нас научить, то это тому, что частная собственность неразрывно связана с цивилизацией».

[12] Йорг Гвидо Хюльсманн, «Самопаралич демократии», рабочий документ GRANEM № 2024-03-065, Университет Анже (2024). https://granem.univ-angers.fr/_attachment/cahiers-2024-article/DT-GRANEM-03-65.pdf

[13] Дополнительную информацию по данной теме см. в работе Роджера У. Гаррисона. Время и деньги: макроэкономика структуры капитала. Routledge, 2001.

[14] Мартин Гурри в книге «Восстание общественности» показывает, как информационное изобилие подрывает доверие, обнажая институциональную некомпетентность быстрее, чем институты успевают реформироваться, что

приводит к появлению «политики отрицания» — своего рода бунта без альтернативы и ярости без ответственности.

[15] Как утверждает Нил Фергюсон в книге «Великое вырождение», современные западные общества расходуют институциональный капитал, накопленный в предыдущие эпохи, вместо того чтобы его обновлять, и в финансовом, правовом и моральном плане существуют за счёт остатков баланса, смысл которого они уже не понимают.

[16] Росс Даутхат в книге «Декадентское общество» описывает порядок, который сохраняет стабильность своей формы, но теряет ту творческую и нравственную энергию, которая когда-то поддерживала его. Юваль Левин в книге «Расколота республика» связывает эту атрофию с распадом общих институтов, способных формировать долгосрочные черты характера и чувство ответственности.

[17] Дополнительную информацию см. в произведении Платона «Государство», книга VIII. 380 г. до н. э.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ ЕС США